

II. СООБЩЕНИЯ И МАТЕРИАЛЫ

Ю. Г. ОКСМАН

НОВЫЕ ТЕКСТЫ РЫЛЕЕВА

1. К истории первого легального издания «Сочинений и писем К. Ф. Рылеева»

Первое легальное издание «Сочинений и писем К. Ф. Рылеева», лежавшее в основе всех досоветских изданий Рылеева, вышло в свет в 1872 г., т. е. почти полвека спустя после казни поэта. Редактор этого издания, П. А. Ефремов, выполняя волю наследников Рылеева, сделал все, чтобы «вырвать из забвения» литературное наследие поэта-декабриста и любую ценою обеспечить прохождение книги через цензурно-полицейские рогатки. Из издания были заблаговременно исключены поэтому все те произведения Рылеева, которые не утратили революционного звучания и в условиях 70-х годов, а его оды, думы, поэмы даны были не по рукописным подлинникам, а в первопечатных редакциях, искаженных цензурой еще аракчеевской поры¹. Но все эти предосторожности не обеспечили, как известно, выпуска издания из типографии. По распоряжению С.-Петербургского цензурного комитета от 10 мая 1872 года «Сочинения и письма К. Ф. Рылеева», отпечатанные в количестве 2000 экземпляров, были задержаны в типографии и запрещены к распространению².

---

¹ История текста первого легального издания сочинений Рылеева освещена нами в «Полном собрании стихотворений К. Рылеева» (Библиотека поэта), Л. 1934, стр. XIII—XV.

² В бумагах СПб цензурного комитета сохранилась секретная переписка, позволяющая установить, что подготовка к печати «Сочинений К. Ф. Рылеева» привлекла внимание цензурных властей еще 6 ноября 1869 г., когда председатель СПб цензурного комитета А. Г. Петров обратился к старшему инспектору типографий в Петербурге со следующим письмом: «В С.-Петербургских Ведомостях (№ 291) было напечатано объявление о печатающемся и имеющем появиться в свет в конце нынешнего года издании книжного магазина Черкесова *Сочинений К. Ф. Рылеева, с портретом, биографической статьей и примечаниями. Редакция издания П. А. Ефремова.* Имея в виду, что автор вышеупомянутых сочинений был государственным преступником и вследствие того предвидя затруднения к обнародованию его

Как свидетельствует переписка министерства внутренних дел с III Отделением, обнаруженная нами в архиве Главного Управления по делам печати, самый факт запрещения выпуска в свет избранных сочинений Рыльева обусловлен был вовсе не их политической направленностью, а только именем автора. Так, Управляющий III Отделением, отвечая на специальный запрос начальника Главного управления по делам печати о причинах невыпуска в свет сочинений Рыльева, не вызывающих никаких сомнений цензуры, разъяснял, что еще 12 января 1871 г. шеф жандармов граф П. А. Шувалов довел до сведения министра внутренних дел «именное повеление» Александра II о том, что «сочинения государственных преступников», равно как и «лиц, признанных изгнанниками из отечества», не могут «быть допускаемы к выходу в свет, какого бы содержания и в каком бы виде они ни были изданы, под собственными именами авторов или под какими-либо псевдонимами и знаками»¹. Это «высочайшее повеление», не подлежавшее оглашению и продиктованное задачами борьбы с перепечаткой и массовым распространением произведений Герцена и Чернышевского, опубликованных до их осуждения, своим острием обратилось прежде всего не к ним, а к их далекому предшественнику. Все хлопоты родных Рыльева и ревнителей его памяти свелись в этих условиях к тому, чтобы добиться согласия царя на «применение к изданию сочинений Рыльева общих законов о печати и цензуре». Мотивированная докладная записка об этом направлена была от имени министра внутренних дел царю 18 мая 1872 г. Приводим основные положения записки, предупреждая читателя, что беззастенчивое извлечение в ней политической биографии Рыльева диктовалось самым назначением этого документа.

«Дочь государственного преступника Рыльева Н. К. Пуцина, в виду близкого истечения 50-летнего срока, после которого наследники писателя лишаются прав литературной собственности на его произведения, приступила к изданию собрания сочинений своего отца, приводимому ныне к окончанию.

Между тем на основании высочайшего повеления, состоявшегося 12 февраля 1871 г., впредь до утверждения в законодательном порядке тех мер, какие выработаны будут в отношении

сочинений и биографии, я имею честь покорнейше просить ваше превосходительство сообщить мне конфиденциально и в непродолжительном времени сведения о том, печатается ли или готовится к печати и в какой именно типографии вышеозначенная книга»

В ответ на этот запрос старший инспектор типографий сообщил на следующий же день, что «по отзыву, данному в книжном магазине Черкесова, книга «Сочинения К Ф Рыльева» не печаталась и печататься не будет» (Дело СПб цензурного комитета 1867 г., № 51, л. 5—6)

¹ Ленинградский исторический архив. Дело главного управления по делам печати «По изданию сочинений и переписки К Ф Рыльева», 1872 г., № 75, лл. 2—4 Ср Дело СПб цензурного комитета «О бесцензурной книге «Сочинения и переписка К Ф. Рыльева», 1872 г., № 65, лл. 1—5.

предупреждения злоупотреблений по изданию сочинений лиц, признанных изгнанниками из отечества и государственных преступников, сочинения эти не могут быть допускаемы к выходу в свет, какого бы содержания и в каком бы виде они ни были изданы, под собственными ли именами авторов или под какими-либо псевдонимами и знаками.

Г-жа Пущина, известясь, что существует специальное распоряжение, могущее воспрепятствовать выходу в свет издаваемой ею книги, ходатайствует о том, чтобы к этому изданию применены были общие правила, установленные в законах о печати и цензуре, каковое ходатайство не может быть удовлетворено без особого на то высочайшего повеления.

Почти все произведения Рылеева были первоначально напечатаны при его жизни, в 1818—1825 годах, под предварительною цензурою, которая не находила повода к их запрещению. Действительно, они отличаются преимущественно выражением чувств и мыслей, которые не имеют общего с преступными заблуждениями, обнаружившимися в последние дни его жизни. Пламенный патриотизм, национальная независимость, негодование к порокам — таковы главные мотивы, вдохновлявшие Рылеева[...]

Некоторые немногие сочинения Рылеева, не напечатанные им при жизни, явились в последние годы, до воспоследования высочайшего повеления 12 февраля 1871 года, в качестве биографических материалов, на страницах разных сборников и журналов, где встречаются и сведения о жизни автора. После того некоторые из сочинений этих были помещены в сборнике «XIX век», на выпуск коего в свет последовало высочайшее вашего императорского величества разрешение 13 октября минувшего года. Вообще посмертные сочинения Рылеева написаны в том же духе, как и предыдущие. Как те, так и другие не заключают в себе даже той доли свободомыслия, которая в настоящее время допускается в литературных произведениях, не возбуждая против себя каких-либо административных мер или судебных взысканий.

Наконец, если бы в приготовляемом издании оказались помещенными какие-либо неизданные произведения Рылеева, могущие вызвать остановку выхода в свет его сочинений, то применение к ним общих законов о печати и цензуре служит достаточным ручательством в том, что такие произведения не явятся в публике.

На основании вышеизложенного, имею счастье всеподданнейше испрашивать всемилостивейшего разрешения вашего императорского величества о применении общих законов о печати и цензуре к собранию сочинений Рылеева, издаваемому дочерью его г-жою Пущиною»¹.

¹ Дело Главного управления по делам печати «По изданию сочинений и переписки К. Ф. Рылеева», 1872 г., № 75, лл 3—4.

Как свидетельствует печатаемое ниже письмо П. А. Ефремова, эта докладная записка получила ход главным образом благодаря поддержке генерал-адъютанта А. М. Рылеева, дальнего родственника поэта¹. 23 мая 1872 г. Александр II разрешил печатание сочинений Рылеева на общем основании, после чего первое издание их было освобождено 2 июня от ареста и поступило в продажу². В 1874 г. «Сочинения и письма К. Ф. Рылеева» вышли в свет вторым изданием.

Прошло свыше 30 лет. Не переставая интересоваться Рылеевым и внимательно следя за новыми публикациями его текстов, престарелый П. А. Ефремов из объявления о подписке на журнал «Всемирный вестник» узнал, что в приложении к этому изданию будет дано «Собрание сочинений и переписки К. Ф. Рылеева». Эта информация явилась поводом для письменного обращения П. А. Ефремова 15 января 1905 г. к С. С. Сухонину, редактору «Всемирного вестника», с предложением учесть в новом издании сочинений Рылеева некоторые рукописи поэта, с которыми он, П. А. Ефремов, познакомился после выхода в свет однотомика 1874 г. Приводим это неизданное письмо П. А. Ефремова, как первоисточник некоторых важных свидетельств о текстах Рылеева, полностью:

15 января 1905 г.
Крюков кан., № 17, кв. 6.

Милостивый Государь
Сергей Сергеевич.

Прочитав, что Вы предполагаете приложить к журналу сочинения Рылеева, сообщаю поправки и пропуски, сделанные в моих двух изданиях. Я списал их у внука Р[ылее]ва Пущина с рукописей, которые нашлись у него уж по выходе моих изданий.

В «Черновом наброске» на стр. 188 (по изданию 1874 г.), после 8-го стиха добавка:

«Поверь, то вздор, невестка, явной.
Война окончилась с врагом —
И невредимый в битве славной
Брат возвратился в отчий дом»³

---

¹ Александр Михайлович Рылеев (1830—1907), сын двоюродного дяди поэта — генерала М. Н. Рылеева, участника Отечественной войны, коменданта Дрездена во время его оккупации русскими войсками в 1814 г.

² Письма П. А. Ефремова к Н. К. и Н. И. Пущиным, посвященные истории организации и выпуска в свет первого издания сочинений Рылеева, опубликованы в сб. «Декабристы». Редакция Н. П. Чулкова, М. 1938, стр. 288—298. Документальные данные, извлеченные нами из архива министерства внутренних дел, остались неизвестными комментатору этих материалов.

³ Этот «черновой набросок» относится к незаконченному переводу баллады Мицкевича «Жена грех тяжкий сотворила». См. «Полн. собр. стихотворений К. Рылеева», Л. 1934, стр. 360—362 и 541

- стр. 107, ст. 14-й: К чему напрасное моление!
а у 15-го надо уничтожить».
- стр. 116, абзац перед 8-м стихом снизу, а после них
абзаца не надо (стр. 117).
- стр. 117, ст. 8-й снизу: Настал конец святой борьбе!
- стр. 118, ст. 6: Спокоен я в душе моей:
- стр. 123, абзацы после 10-го и 15-го ст[ихов]:
13: Она нашла в беде своей
24: И бури вой, и плеск валов.
3 и 4 снизу: Стоял под елью одинокой;
Мятель шумела вкруг меня.
- стр. 124, ст. 3: Сливался синий...
7: ...Лены величавый.
- стр. 125, ст. 9 снизу: О славном дяде...
Четыре последних стиха *между* абзац[ами]
- стр. 126, ст. 11: Несчастной сделалось трудней
И наконец, взглянув ясней,
- стр. 127. Точки в рукописи
- стр. 128. ст. 3—4: С душою истинно свободной,
В делах он истинно велик

6: Свободу сам он погубил:

После 12-го: Сей мир тогда б лишь от себя
Самоубийством я избавил
Когда бы, совесть погубя,
Себя в порывах страсти я
Бесчестным делом обесславил.

Не забудьте выкинуть на 184—185 стр. в № 8-м 4 последние куплета: они *Пушкина*, а не *Рылеева* и вставлены в заграничное издание, вероятно, по сходству размера. Пушкин указывает на них, как на свое произведение в письме к кн. Вяземскому, помнится (см. т. VII и VIII изд. Суворина)¹

На 182-й последнее 4-стишие я *приписал*, страха ради цензурна² (Ведь изд. Рылеева было арестовано и без того, несмотря на все «очищение», и спаслось только по Высоч[айшему] повелению, выпрошенному кузеном дочери Рылеева генералом при Ал[ександре] 2] — и так: я приписал к поэме Наливайко. Оно написано отдельно, а не в тетрадке, где «Наливайко».

На 8-й стр. между 3—4 строфами

Вот, Святослав, к чему ведет
Несправедливость власти:
И князь несчастлив, и народ,
Где на престоле страсти.
Но вдвое князь во всех местах
Внимает вопль с укором;

¹ В первых изданиях Рылеева песня «Ах где те острова» произвольно заканчивалась стихами Пушкина «Как в ненастные дни». Об этих стихах, использованных в качестве эпиграфа к первой главе «Пиковой дамы», Пушкин писал Вяземскому 1 сентября 1828 г. П. А. Ефремов имеет в виду текст этого письма в суворинском издании «Сочинений Пушкина» 1904 г.

² П. А. Ефремов имеет в виду четверостишие «Ах если б возвратить я мог Порабощенному народу Блаженства общего залог Былую праотцев свободу». Эти стихи, произвольно отнесенные в первых изданиях Рылеева к поэме «Наливайко», предназначались, вероятно, для думы «Вадим». См. «Полн. собр. стихотворений К. Рылеева», Л. 1934, стр. 538.

По смерти ждет его в веках
Потомство с приговором: (двоеточие!)

В 4-м куплете 3-й стих:

Будь над страстями властелин.

(хоть рифма в печатном полнее, но тут указываются *страсти* в параллель 4-му стиху ненапечатанного куплета).

У меня есть от Гаевского огромная тетрадь стих. Кюхельбекера (сын его [был] женат на дочери В. П. Гаевского), но плохи. Из них я давал выписку Гербелю для заграничного издания. Тетрадь я оставил в Москве, но если б понадобилась, попрошу там найти в моих ящиках¹.

Сообщите мне, может успею оговорить в VIII томе, где у меня глупейшая опечатка «Извольте (вм. позвольте) к вам обратиться». Я ее не нашел в указанном Вами письме к Поленову².

Готовый к услугам
П. Ефремов.

Из рукописей Рылеева, на которые опирался П. А. Ефремов, предлагая ряд дополнений и поправок к первопечатным текстам Рылеева, в научный оборот вошел только автограф перевода баллады Мицкевича «Жена грех тяжкий сотворила». Этот автограф принесен был в дар Музею революции СССР Е. Е. Якушкиным и впервые опубликован нами в издании стихотворений Рылеева 1934 г. Но гораздо более значительными являются указания письма П. А. Ефремова на дефекты общеизвестного текста думы «Ольга при могиле Игоря» и поэмы «Войнаровский»³. Критическому рассмотрению предложений П. А. Ефремова о внесении некоторых исправлений и дополнений в тексты произведений Рылеева и посвящаем мы следующие главы настоящей работы.

2. Неизвестные строфы думы «Ольга при могиле Игоря»

В общеизвестном печатном тексте думы «Ольга при могиле Игоря» (1822 г.) летописный рассказ о смерти князя, несправедливость и жадность которого вызвали восстание древлян и гибель его самого, имел совершенно необычную для произведений Рылеева в этом жанре политически-нейтральную трактов-

¹ Тетради Кюхельбекера, бывшие в распоряжении В. П. Гаевского и П. А. Ефремова, ныне находятся в архиве Пушкинского дома Академии наук СССР.

² Речь идет о письмах Пушкина, опубликованных в VII томе суворинского издания «Сочинений Пушкина».

³ Из поправок, предлагаемых П. А. Ефремовым, С. С. Сухонин воспользовался в своем издании лишь важнейшими вариантами к «Войнаровскому» («Собрание сочинений и переписки К. Ф. Рылеева». Бесплатное приложение к журн. «Всемирный вестник», 1905 г., стр. 123, 130, 132, 133). Однако, ввиду того, что эта правка канонического текста поэмы нигде и никак оговорена не была, а самое издание не принадлежало к числу авторитетных, новые строки «Войнаровского» прошли незамеченными и не оставили никаких следов ни в последующих изданиях Рылеева, ни в литературе о нем.

ку. Этот неожиданный авторский нейтралитет особенно оттенялся заключительной сентенцией, обращенной к юному Святославу:

Отец будь поданным своим
И боле князь, чем воин;
Будь друг своих, гроза чужим
И жить в веках достоин.

Примитивность политических выводов, сделанных из рассказа об обстоятельствах смерти Игоря, не требует доказательств и полностью оправдывает суровое суждение Пушкина о том, что некоторые думы Рылеева «слабы изобретением и изложением», что они «и целят, а все невпопад». Однако автограф думы «Ольга при могиле Игоря», с которым П. А. Ефремов познакомился когда-то в архиве Рылеева, позволяет несколько реабилитировать поэта-декабриста. Этот автограф, остававшийся в течение нескольких десятилетий недоступным исследователям, обнаружен в 1952 г. в фонде материалов Е. Е. Якушкина в Центральном Государственном историческом архиве¹.

Что же представляет собою новая рукопись, как материал, для установления окончательной редакции думы «Ольга при могиле Игоря»? Прежде всего надо оговорить, что мы располагаем не полным текстом думы, а лишь записью 12 ее строк, перебеленных автором на обороте листа, занятого черновыми набросками думы «Глинский». Судя по тому, что Рылеев переписал именно те строки думы, которые или вообще отсутствовали, или подверглись существенным изменениям в первопечатном ее тексте в «Новостях литературы» 1822 г., можно предположить, что поэт хотел сохранить точный текст думы для учета его в будущем переиздании. Однако цензурные условия 1825 г. остались те же, что и за три года до того, а потому воспользоваться этой записью самому Рылееву уже не пришлось.

В отличие от первопечатных текстов думы рукописный ее фрагмент, на который впервые обратил внимание П. А. Ефремов, давал более развернутую оценку действий Игоря, подчеркивал бедственную для народа «несправедливость власти», чем очень прозрачно оправдывал и кровавую расправу с князем возмущенных древлян, предостерегал против самой возможности отражения личных «страстей» властителя на его государственной работе, напоминал об ответственности князей за их злодеяния не только перед современниками, но и перед потомством. Заключительное моралистическое наставление, вложенное в печатной редакции думы в уста княгини Ольги, в рукописи явно слышится как осудительный приговор народа и истории:

Вот, Святослав, к чему ведет
Несправедливость власти:

¹ Центральный Государственный исторический архив, ОЧФ, фонд 270 (архив Якушкиных), опись 1, ед. хр. 269, л. 5 об. Новые тексты произведений Рылеева, обнаруженные в этом архиве, опубликованы в «Литературном наследстве», 1953, т. 59.

И князь несчастлив, и народ,
Где на престоле страсти.
Но вдвое князь во всех местах
Внимает вопль с укором;
По смерти ждет его в веках
Потомство с приговором:

«Отец будь подданным, о сын,
И вместе князь и воин;
Будь над страстями властелин
И жить в веках достоин!»

Так князю отроку рекла
И поклонясь кургану,
Мать с сыном тихо потекла
Ко дремлющему стану!

Нет никаких сомнений в том, что первые 8 строк этой части думы, вдохновленные борьбой «дворянских революционеров» двадцатых годов за конституционные гарантии народной свободы, за законы, строго регулирующие взаимоотношения царя и подданных, изъяты были из печатного текста думы по цензурным соображениям, а не самим автором².

Более сложен вопрос о правке следующего четверостишия, которое в печатном тексте читается:

Отец, будь подданным своим
И боле князь, чем воин.
Будь друг своих, гроза чужим
И жить в веках достоин.

П. А. Ефремов, посылая Сухонину рукописные варианты думы, отмечал наличие в автографе Рылеева стиха «Будь над страстями властелин», но о строке «Отец будь подданным, о сын» не сказал ни слова. Между тем именно необходимость замены этого неудачного словосочетания и вызвала правку всей строфы. Эта правка, канонизированная самим Рылеевым в 1825 г., подлежит сохранению и в предлагаемой нами новой редакции думы «Ольга на могиле Игоря».

3. Дополнения и поправки к тексту поэмы «Войнаровский»

Поэма «Войнаровский» принадлежит к числу тех произведений Рылеева, общеизвестный текст которых особенно сильно был искажен, с одной стороны, цензурой, с другой, еще в большей степени, авторскими приспособлениями к ней. Поэту о многом приходилось говорить только «намекami, тем эзоповским —

¹ Это заключительное четверостишие, отсутствующее в рукописном наброске думы, дается нами по ее общеизвестному тексту.

² Две неизвестных строфы думы «Ольга при могиле Игоря» по копии П. А. Ефремова включены были в подготовленный нами к печати текст «Стихотворений К. Рылеева» в малой серии «Библиотеки поэта» (изд. 1, 1938 г., изд. 2, 1947 г.), но поскольку эта вставка не была никак оговорена и мотивирована в комментариях Н. И. Мордовченко, она не учтена ни в специальной литературе о Рылееве, ни в новейших перепечатках его произведений.

проклятым эзоповским — языком, к которому царизм заставлял прибегать всех революционеров, когда они брали в руки перо для «легального» произведения¹.

«Думаю, что ты получил уже из Москвы Войнаровского, — писал Рылеев 10 марта 1825 г. Пушкину. — По некоторым местам ты догадаешься, что он несколько ощипан. Делать нечего. Суди, но не кляни². А в начале июня того же года, отвечая Пушкину на не дошедший до нас критический разбор поэмы, Рылеев признавал правильность сделанных замечаний: «Благодарю тебя, милый чародей, за твои прямодушные замечания на Войнаровского, ты во многом прав совершенно; особенно говоря о Миллере. Он точно истукан. Это важная ошибка; она вовлекла меня и в другие. Вложив в него верноподданнические филиппики за нашего великого Петра, я бы не имел надобности прибегать к хитростям и говорить за Войнаровского для Бирюкова³».

Разумеется, только сам автор мог бы в полной мере разрешить задачу освобождения текста «Войнаровского» от всех тех строк, строк и слов, функция которых сводилась к сознательному затемнению политического смысла поэмы в целях усыпления бдительности Бирюковых, Красовских и других представителей цензурно-полицейского аппарата. И все же даже сейчас, через 125 лет после смерти Рылеева, далеко не все трудности, стоящие перед исследователями и читателями «Войнаровского», можно признать непреодолимыми. Так, например, если действительно никак не поддаются изъятию из монолога Войнаровского его «верноподданнические филиппики», прочно вошедшие в ткань повествования, несмотря на все их неправдоподобие в устах яро-го противника Петра⁴, то совсем иначе обстоит дело с очищением поэмы от тех искажений, которые являются принадлежностью только печатных ее текстов, а не рукописей.

Первым опытом критического издания поэмы «Войнаровский», на основании учета всех известных печатных и рукописных источников, является ее публикация в издании «Полное собрание стихотворений К. Рылеева» в серии «Библиотека поэта» (1934 г.). Однако этот текст нельзя признать еще ни достаточно точным, ни безусловно полным⁵. При отсутствии ав-

¹ В. И. Ленин, Соч., изд. 4, т. 22, стр. 175

² Пушкин, П. с. с., т. XIII, Переписка 1815—1827, М.—Л. 1937, стр. 150.

³ Там же, стр. 183

⁴ Мы имеем в виду прежде всего строки от стиха «Мазепе предался я слепо» до «И относил то к самовластью, что свет отнес его уму» (стихи 530—541), а также стихи 666—668, 841—843.

⁵ Это обстоятельство, к сожалению, не учитывают составители новейших хрестоматий, посвященных поэзии декабристов. Механически перепечатывая, без указания первоисточника, условную редакторскую реконструкцию текста «Войнаровского» в изд. 1934 г. и нигде не оговаривая при этом полного несоответствия критического текста «Войнаровского» его первопечатной

торского доцензурного оригинала издания 1825 г., при отсутствии черновых редакций основных частей поэмы, при крайней скудости авторитетных списков поэмы, критическая правка текста «Войнаровского» является процессом очень сложным и длительным¹. И тем не менее перспективы успеха разысканий в этой области очень широки. Так, например, до сих пор не приведены в известность и не изучены списки поэмы «Войнаровский», сохранившиеся в бумагах декабристов и близких им передовых литераторов 20-х годов в фондах Пушкинского дома, Исторического музея, Рукописных отделений Государственной библиотеки им. В. И. Ленина и Ленинградской публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Многие из этих списков являются весьма авторитетными, восходя, может быть, и к утраченному беловому автографу «Войнаровского». Весьма ценно в этом отношении и непроверенное до сих пор свидетельство М. И. Семевского о том, что среди принадлежавших ему нескольких списков «Войнаровского» находился один, переписанный «особенно красиво и тщательно»; этот список принадлежал М. В. Кюхельбекеру, сыну поэта².

Однако возможны находки не только ценных списков поэмы Рылеева, но и ее автографов. Письмо П. А. Ефремова, опубликованное нами выше, может быть подкреплено сейчас точными данными рукописей «Войнаровского». В самом деле, в фонде бумаг Е. Е. Якушкина, вошедших в научный оборот в 1952—1953 г., оказались в ряду других автографов Рылеева начальные наброски и первая черновая редакция поэмы «Войнаровский». Несмотря на то, что среди этих рукописей не сохранилось нескольких листов из числа тех, на которые ссылался П. А. Ефремов (недостаёт примерно 300 строк во второй части поэмы, от стиха 697 до 1000), можно не сомневаться, что перед нами тот самый автограф, с которым первый редактор русского легального издания Рылеева познакомился в бумагах Н. И. Пущина, внука поэта³. Рукопись «Войнаровского», сохранившаяся в бумагах

редакции, эти хрестоматии невольно навязывают современному читателю ложное представление о широких возможностях легальной печати аракчеевской поры. См., например, сборник «Поэзия декабристов», Л. 1950, стр. 507, а также хрестоматию «Декабристы», М.—Л. 1951, стр. 616.

¹ Пользуемся случаем отметить необходимость сохранения в окончательном тексте поэмы первопечатного варианта стиха 656-го: «Надежду, счастье и покой» («Полярная Звезда на 1824 г.»; Лейпцигское изд. «Полн. собр. соч. К. Ф. Рылеева», 1861, стр. 235; изд. В. Гергарда, 1862 г., стр. 115; изд. 1934 г., стр. 224 и др.). Менее авторитетны чтения: «Надежду, славу и покой» (берлинские издания «Войнаровского» в 1857 и 1861 или «Свободу, славу и покой» (текст П. А. Ефремова в «Рус. Старине» 1871 г., кн. 4, стр. 503).

² «Рус. Старина», 1871, кн. IV, стр. 521.

³ Письмо П. А. Ефремова к С. С. Сухолину от 15 января 1905 г. позволяет точно установить, что бумаги Рылеева, оказавшиеся в архиве Е. Е. Якушкина, откололись от основного фонда рукописей Рылеева, бывших в распоряжении его вдовы и дочери, а не восходят к собранию А. А. Ивановского или Булгарина. См. «Полн. собр. стихотворений К. Рылеева», Л. 1934, стр. VI—IX.

Е. Е. Якушкина, является черновой, а не окончательной редакцией поэмы, но тем не менее П. А. Ефремов совершенно правильно установил необходимость ее учета при устранении ошибок, вкравшихся в общеизвестный текст поэмы. Одни из этих ошибок относились к дефектам типографского набора (неверная пунктуация, неуместные кавычки, неправильные пробелы между строками, отсутствие абзацев), другие — имели более серьезное значение, так как закрепили на много десятков лет ряд грубых цензурных искажений в очень ответственных частях поэмы.

Наиболее интересны поправки и дополнения, вносимые этой рукописью во вторую часть «Войнаровского» (стихи 652, 925, 1005, 1006, 1008, вставка между 1014 и 1015 стихами пяти неизвестных ранее строк о самоубийстве¹, как акте, не достойном годлинного революционера). Приводим эти новые строки, выделяя их из контекста курсивом:

Стихи 649—652

О, как неверны наши блага!
О, как подвластны мы судьбе!
Вотще в душах кипит отвага.
Настал конец *святой* борьбе.

Стихи 924—925

О прежних говорила днях,
О *славном* дяде, о детях

Стихи 1003—1014

Чтить *Брута* с детства я привык,
Защитник Рима благородный,
С душою истинно свободной,
В делах он истинно велик.
Но он достоин укоризны,
Свободу сам он погубил,
Он торжество врагов отчизны²
Самоубийством утвердил...
Ты видишь сам, как я страдаю,
Как жизнь в изгнании тяжела,
Мне б смерть отрадою была...
Но жизнь и смерть я презираю.
Сей мир тогда б лишь от себя
Самоубийством я избавил,
Когда бы совесть погубя,
Себя в порывах страсти я
Бесчестным делом обесславил.

В первопечатном тексте поэмы многие из строк, извлеченных П. А. Ефремовым из рукописей Рылеева, были усечены или заменены вариантами, явно отвечающими требованиям цензуры, а не воле автора («Уже настал конец борьбе», «О падшем дяде», «Сограждан сам он погубил», изъятие пятистишия «Сей мир

¹ После изъятия этих строк стало не совсем понятно, что Войнаровский презирает именно самоубийство, а не просто смерть.

² Зачеркнутый начальный вариант: «Он деспотизм врагов отчизны».

тогда б лишь от себя Самоубийством я избавил» и пр.). Более спорно предложение П. А. Ефремова о включении в основной текст поэмы вариантов, нейтральных в политическом отношении:

Стихи 860—864

Раз у Якутской юрты я
Стоял под елью одинокой,
Метель шумела вокруг меня¹
И свирепел мороз жестокой.

Стих 867

Сливался синий свод небес.

Стихи 943—947

Она умолкла. Вдруг приметно
Несчастной сделалось трудней,
И наконец, взглянув ясней,
Она, с улыбкою приветной,
Увяла в цвете юных лет.

Несмотря на наличие этих стихов в рукописи, которой располагал П. А. Ефремов, мы полагаем, что первопечатный текст данных строк («Стоял под сосной одинокой», «Буран шумел вокруг меня», «Сливался темный свод небес», «Стал угасать огонь очей», «И наконец, вздохнув сильнее») более авторитетен, так как отражает последний этап работы Рылеева над поэмой, а не черновую ее редакцию².

4. Неизвестные строфы о Мазепе и Кочубее в первой редакции «Войнаровского»

Пушкин, объясняя в одной из своих заметок о происхождении «Полтавы» и отношение этой поэмы к «Войнаровскому» Рылеева, вспоминал: «Прочитав в первый раз сии стихи:

Жену страдальца Кочубея
И обольщенную их дочь

я изумился, как мог поэт пройти мимо столь страшного обстоятельства. Обременять вымышленными ужасами исторические характеры и не мудрено и не великодушно. Клевета и в поэмах

¹ Замена в стихе 861 «ели» на «сосну» так же не случайна, как в стихах 37—38 замена начального варианта «И Камчадал и с пикой длинной Сибирской строевой казак» на «Лесной Тунгуз и с пикой длинной Сибирской строевой казак». Был еще промежуточный вариант: «Тунгуз, Коряк, и с пикой длинной» и пр. Как свидетельствуют воспоминания декабриста В. И. Штейнгеля, Рылеев очень серьезно боролся с «погрешностями против местности» в этнографических и пейзажных частях поэмы «Войнаровский». Правка «сцены близ Якутска» осуществлена была летом 1823 г. при ближайшем участии Штейнгеля, как сибирского старожила («Общественные движения в России в первой половине XIX века», т. I, СПб. 1905, стр. 410).

² Черновая редакция поэмы «Войнаровский», бывшая в распоряжении П. А. Ефремова, хранится ныне в Центральном Гос. ист. архиве, фонд 279 (архив Якушкиных), оп. 1, ед. хр. 269, ч. 1, на восьми л. Выправляя по автографу выписки из этой рукописи, сделанные П. А. Ефремовым в письме к С. С. Сухонину, мы уже не обнаружили в ней листов, занятых стихами 860—864, 867, 924—925, 943—947.

всегда казалась мне непривлекательной. Но в описании Мазепы пропустить столь разительную историческую черту было еще непростительнее»¹.

Пушкин, однако, был не прав. Рылеев, работая над «Войнаровским», вовсе не прошел мимо того трагического эпизода биографии Мазепы, который связан с именами Кочубея и его дочери.

В той самой части архива Рылеева, которая была обнаружена в 1952 г. в собрании Е. Е. Якушкина, среди черновых набросков первой редакции «Войнаровского» сохранились фрагменты эпизода, изъятого из окончательного текста поэмы². Эти фрагменты сохранились и в виде начальных черновых набросков и в совершенно законченной редакции, перебеленной на особом листе. Приводим последнюю полностью:

Уже Мазепа приступал
К свершенью тайных помышлений,
Умы в Украине волновал,
И двух Славянских поколений
Сердца враждою распаял.

Как буря приближались Шведы,
Неся из дальней стороны
Опустошения войны
И неизменные победы.

Устроив все, мы со врагом
В сношенья тайные вступили,
Наружно мир храни с Петром
Уж мы близ цели нашей были:
Мятеж носился за Днпром,
Москаль дремал... вдруг узнаем,
Что наши замыслы открыли.

И кто же был предатель сей?
Кто был врагом своей отчизны?
Быть может, лучший из людей,
Судья и Вождь без укоризны,
Несчастный старец Кочубей.

К Мазепе мщенье в нем пылало
За обесславленную дочь;
Его душе ни день, ни ночь
Оно покоя не давало.
И на пирах, и в буре битв,
И в мрачном храме в час молитв
Дух мести дикой, кровожадной,
Кровь Кочубея волновал
И сердце старца наполнял
Тоской и злобой безотрадной.

Он с каждым днем был все мрачней,
Он всех чуждался, всех дичился,
Страдал и наконец решился

¹ Пушкин, Полн. собр. соч., т. XI, 1949, стр. 160

² ЦГИА, фонд 279, опись 1, ед. хр. 269, ч 2, л. л. 7, 8 и 9.

На склоне непорочных дней,
Поправ закон священной чести,
Принести с Мазепой в жертву мести
Свободу родины своей.

Все на Украине взволновались.
И под шатром, и в слободах;
Недоумение и страх
У всех на лицах выражались¹.

Мы не можем сказать с полной определенностью, к какому именно месту «Войнаровского» приурочивался этот эпизод. В рукописи поэта черновики органически не связаны ни с предшествующим, ни с последующим текстом поэмы, для процесса же работы Рылеева характерно не строго последовательное развертывание начального плана, а обращение к разработке отдельных эпизодов вне определенной исторической или логической их последовательности в окончательном тексте (ср., например, черновые фрагменты поэм «Наливайко» и «Гайдамак», заготовки отдельных строф для ненаписанных дум — «На горной крутизне берегов стоит во мраке холм Олегов», «Повсюду вопли, стоны, крики Над белокаменной Москвой», «Сидел лишь Миних одинок» и т. д.). Возможно, что история заговора Мазепы (включая в нее материалы о Кочубее, его жене и дочери) должна была бы составить особую часть поэмы, заняв место между первым и вторым разделами ее окончательной редакции.

Следы начального большого замысла, свернутого поэтом в процессе написания поэмы, остались и в ее окончательном тексте. Мы имеем в виду два эпизода в рассказе Войнаровского (стихи 747—750 и 771—774) о предсмертных муках предателя:

И взгляд кругом бросая быстрый,
Меня и Орлика он звал
И задыхаясь уверял,
Что Кочубей видит с Искрой

То, трепеща и цепenea,
Он часто зрел в глухую ночь
Жену страдальца Кочубей
И обольщенную их дочь.

Эти строфы, никак не подготовленные ни предыдущим изложением событий, ни последующим объяснением их (ни Кочубей, ни его жена, ни дочь его, ни Искра в общеизвестном тексте «Войнаровского» больше не встречаются), глубоко уходят своими корнями в неизвестную еще нам полностью первую редакцию поэмы². Почему же, однако, Рылеев отказался от своего ран-

¹ История этого текста и все варианты к нему даны нами в работе «Новые тексты поэмы Рылеева «Войнаровский», печатающейся в «Литературном наследстве», т. 59.

² Строфы эти не вызывают сейчас недоумения читателей «Войнаровского» только потому, что события, о которых глухо упоминается в поэме, хорошо известны по описанию их в «Полтаве» Пушкина. Современник же Рылеева располагали биографией Мазепы, специально написанной А. А. Бестужевым для «Войнаровского» и приложенной к первому изданию поэмы.

него плана? Чем объяснить столь резкое сужение первооснов фабулы «Войнаровского»? Мы полагаем, что в самом начале работы над поэмой Рылеев уяснил, что исторически правдивая трактовка борьбы Кочубея с Мазепой неизбежно должна была бы снизить образ последнего, а всякая попытка отрицательной интерпретации Кочубея как разоблачителя гетмана никак не могла бы рассчитывать на сочувствие передового русского читателя. Не случайно ведь Катенин, под впечатлением «Войнаровского», писал 26 апреля 1825 г. критику Н. И. Бахтину: «Всего чуднее для меня мысль представить подлеца и плута Мазепу каким-то Катеном»¹. С этих же позиций близорукая рылеевская трактовка Мазепы и всех деятелей заговора 1709 г. резко осуждена была в «Полтаве».

Мастерство Пушкина, как и мастерство Толстого, это мастерство раскрытия самых существенных сторон действительности, самых существенных черт исторических характеров, показываемых не декларативно, не статично, а в живом действии, в конкретной политической борьбе. Пушкин опирался на тот же фактический материал, которым располагал и Рылеев — политическую и интимно-бытовую биографию Мазепы в «Истории Малой России» Бантыша-Каменского (1822 г.), но самая мера познания великого поэта-реалиста была много глубже и шире той, которой был еще ограничен в своем творчестве идеалист и романтик Рылеев.

---

¹ «Рус. Старина», 1911, кн. VI, стр. 594.

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР
САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

Том XXXIII

ВЫПУСК ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ

САРАТОВСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1953